

16+

Наталья Волохина

Записки душеведа

Беседы с Анной Марковной

Наталья Волохина
Записки душеведа

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Волохина Н.

Записки душеведа / Н. Волохина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06232-0

Несерьезные рассказы о серьезных вещах. В ироничных записках душеведа о беседах с пожилой женщиной, Анной Марковной, хитро спрятаны ответы на сложные жизненные вопросы. Профессиональный психологический подход, скрытый за житейской мудростью героини, наводит читателя на размышления о схожих личных ситуациях, помогает по-новому взглянуть на надоевшие, неразрешимые бытовые «колючки», найти выход.

ISBN 978-5-532-06232-0

© Волохина Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть 1. Беседы с Анной Марковной	5
Вы сейчас с кем говорите?	6
Радости вприглядку	7
Лекарство от старости	8
Полинявшие поздравления	9
Хочешь, не хочешь, а я тебя спасу	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Часть 1. Беседы с Анной Марковной

Несколько лет соседствую с интересной пожилой женщиной, Анной Марковной. Сдружились понемногу, захаживаем друг к другу чайку попить. Замечательное чувство юмора, мудрость приятельницы, её зрелые суждения мне импонируют. Несколько раз в шутку предлагала ей вместо меня прием вести. Решила за ней записывать. Думаю, пусть не только мне будет интересно, а кому-то и полезно.

Вы сейчас с кем говорите?

На днях Анна Марковна рассуждала об импульсивном поведении знакомых дам. Она выражалась проще – «о психованности».

– Психованные все пожизненно, – сетовала Марковна. – Причем, и в хорошем, и в плохом. Если к одному месту приспичило, среди ночи тебя разбудят или с утра пораньше с кровати сдернут и, не спрашивая, не обращая внимания на тонкие намеки, что не с руки их сейчас слушать, выгрузят на тебя свои фекалии.

В основном фекалии. Иногда бурно восторгаются ситуацией или человеком, но я-то знаю – это ненадолго, через некоторое время их же будут хаять. А слово скажи поперек, усомнись, ушат помоев на тебя тут же выльют: и назло говорю, и знать не знаю, мне бы только спорить, и лучше со мной вовсе не разговаривать. Так что я в основном помалкиваю. Зачем делать себе же хуже? Хотя не каменная, сорвусь иногда: «Что ты, Нюта, три дня нервная какая-то, сегодня на четвертый перевалило, переживаешь, меня дергаешь, а у меня нынче так голова болит...» У–у–у! Что началось! Моя головная боль, конечно, малоинтересна, а вот, что слушать её бред не хочу – возмутительно. Трубку бросила. На той неделе выяснила, за что ей телефон отключили – десять часов проговорила. Не верит. Так ведь не я, машина считает.

Другая только тогда «на крыльях летает», когда полезность свою доказывает, до смешного, ей Богу, как в анекдоте про тимуровцев, что старушку через дорогу переводили, хоть той и не надобно. А воспротивится жертва помощницы или что не по её скажет, шуму не оберешься, первым врагом станет. Хорошо, ненадолго, отходчивая, хоть и психованная.

И все больше жалуются: в квартире, как в конуре, сиднем сиди; в своем доме хорошо, но работы много, дорожки летом каждый день мести надо, зимой от снега чистить; был муж пьяница – замучил, помер – лучше бы пил, но жил рядышком; за городом хорошо, но магазин с аптекой далеко, в городе все рядом, да дышать нечем.

Я думаю иногда, неужто, и сама такая. А ведь такая. Вот сейчас вроде бы жалуясь, на тебя свои какашки сваливаю. А не спросила, есть у тебя время меня слушать, чувствуешь себя как, да и надо оно тебе про моих бабок разговоры разговаривать.

– Есть, Анна Марковна, есть. Я привычная. У меня работа такая – слушать.

– Ох, тяжелая работа, по себе знаю.

И чтобы не сорваться на свои тяжести, спрашивает заботливо: «А голова-то не болит от разговоров?»

– Болит иногда, как не болеть.

– Таблетку бы тебе посоветовала, да ты сама советчик в этом деле лучший. Уморила я тебя. В другой раз зайду?

– Заходите, Марковна.

– Ты не скрывайся, сразу говори, что недосуг тебе. С нами построже надо, а то разбалуеться, не переслушаешь. По себе знаю.

Я смеюсь. Марковна уходит.

Радости вприглядку

– Вот скажи ты мне, отчего все жалуется на нехватки, недостатки, а назови их бедными – обижаются. Я легко и честно признаюсь – я бедная. Не нищая, конечно, этот перебор и для нищих обида, но бедная. Все ведь просто. Пенсия у меня мизерная. Дети сейчас не помогают – не с чего. В доме только самое необходимое, и купить могу только самое нужное и то не всегда. По всему видно – я бедная. Чего стыдиться правды? Бедная я не от того, что ленивая, а что больше работать не могу. Скопить не с чего было – детей растила, на то только и хватало.

Но я ж и не жалуясь, и не убиваюсь. Приспосабливаюсь. А подруга моя давняя, Нюта, только знай, талдычит, как трудно живется, как все кругом плохо нынче, как раньше было хорошо. Я ей говорю, это, мол, старость – новое хаять, старое хвалить. Куда там, доказывает с пеной у рта. А как согласилась я – плохо стало жить, бедные мы, вовсе вызверилась: «Я не бедная, не побираюсь». Я возьми да пошути: «Нищие побираются, а мы пока только бедные». Обругала она меня и трубку бросила. Недели две бычилась, не разговаривала со мной.

Чудно! Себе колбасу ливерную покупает, как кошке, а гостям сервелат. Салфетки бумажные поштучно, по количеству едоков кладет, а на пальцах кольца золотые. «Зачем вам троим столько комнат?» – допытывает меня. «Так каждый в своей комнате своим занят, никто никому не мешает», – отвечаю. Хочется добавить, что привыкли они с родителями и детьми вшестером в двухкомнатной ютиться, вот и напрягает много места. А то еще дурная мысль закрадывается – неужто Нюта мне завидует?

Я так думаю, человеку трудно сознаться, что бедный он, а жаловаться легко. И уж если у него чуть лишнего появилось – спешит показать, похвастать, сам радоваться не может, надо, чтобы другие оценили, поверили в его состоятельность.

– Вы, Анна Марковна, женщина мудрая, сами всё понимаете. Трудно человеку, не привык он жить для радости, нужна ему, вместо удовольствия от жизни, радость от оценки окружающих.

– Это что ж, без соседкиной похвалы колбаса невкусная?

– Точно, – рассмеялась я. – Хорошо с вами, весело и приятно, но мне работать пора.

– А, запомнила мой наказ, – лукаво улыбается Марковна, – вовремя гонишь. Пойду, а то вовсе пускать не станешь.

– Стану – стану. Мне без вас теперь никак не обойтись.

Лекарство от старости

– Невоспитанная я!– признается Анна Марковна.

– Это почему?– удивляюсь я.

– Подруги меня всегда спрашивают о здоровье, а я их никогда. Вот они и обижаются. Ты сама посуди, как мы себя можем чувствовать? Конечно, по возрасту и по изношенности. Что об этом говорить? Я им так и отвечаю. Но они, если даже не спросишь, как заведут панихиду: про ломоту в суставах, головокружения, бессонницу – не переслушаешь. А пока все рецепты расскажут, можно борщ сварить. Я, кстати, так и делаю – положу трубку на стол и своими делами занимаюсь. Главное, время от времени поддакивать. И не дай бог обмолвиться, что и у меня спину прихватывает. Пока всё про мухоморы на спирту и супермази из аптеки не посоветуют, не уймутся.

– Ну, вот скажи,– возмущенно вопрошает Марковна,– неужели они на самом деле надеются вылечиться или заняться им нечем.

– Насчет надежды не знаю, но требования к результатам лечения предъявляют.

– Да-да-да,– подхватывает соседка.– Я, мол, таблетки пью, почему не помогает. Должно же пройти.

Смеюсь.

– Может, не те таблетки?

– А я про что? Нет таблеток от старости. Покряхтел, растер спину, чем в аптечке нашлось, чайку попил и пошевеливайся. Все лучше, чем жаловаться.

– А куда пошевеливаться?– подначиваю я Марковну.

– Как куда? Дома всегда дела найдутся. Мне тут Ленка с пятого этажа на днях говорит: «Давайте я девчонок пришлю, они вам кухню отмоют». «Да, вроде, чисто у меня». А как ушла она, я очки надела и посмотрела. Мать честная! Без очков значительно чище. Посидела – посидела, что делать, начала драить. Вот тебе и занятие.

Клумбы под окном развела, видела? Тоже дело.

– Видела, красиво получилось.

– А ты чего квелая такая?– переключается на меня Анна Марковна.

– Да что-то притомилась,– вяло отвечаю я.

– А ты...– начала Марковна, но неожиданно притормозила и расхохоталась.– От глупости тоже таблеток нет. Чуть было советовать начала. Вот ведь, старость не радость. Пойду-ка я лучше до дому, до хаты. Дам тебе роздых.

Анна Марковна уходит, а я принимаю её лекарство – отдых.

Полинявшие поздравления

«То ли я старая совсем стала, ко всему безразличная, то ли помру скоро, о другом думать надо», – начинает соседка совершенно неожиданно «чайный» разговор.

– Что это с вами, Анна Марковна? Вы же у нас редкий экземпляр оптимиста.

– Да вот, поди ж ты, как праздник, начинаю сомневаться в своем оптимизме. Раньше, по молодости, по пятьдесят открыток подписывала к праздникам, родным, друзьям. И всем старалась что-то хорошее, лично им приятное, написать. Потом все меньше – меньше почты отправляла и получала. И как-то сошло на нет, а я даже не заметила.

Телефон все заменил, когда хочешь, позвонишь, что хочешь, скажешь. Но с годами стала замечать, что меня поздравления эти совсем не трогают. Слова поздравительные полиняли совсем. И нет мне разницы, поздравят или нет. А вот подружки обижаются. Думаю, неужели, правда, их так волнуют мои поздравления. Я больше беспокоюсь, когда слягут они, помочь стараюсь, чем могу, или хоть поддержать. По мне не поздравят меня, так и бог с ним. Но нехорошо получается, раз люди обижаются.

Как думаешь, от старости это? Новый год, все шлют поздравления разные художественные, открытки с песнями. А я, как представлю, что ни одного их живого слова там нет, так и не читаю вовсе, и не открываю даже СМС. Или возьму, напишу в ответ нормальное поздравление, как раньше в открытке. Никого из их домашних не забуду, всем приветы и пожелания передам. Из вредности что ль или от обиды. Может, правда, помирать пора? – тревожно переспрашивает Марковна.

– С чего вы взяли, что у вас безразличие? Может, наоборот их безразличие вас задевает? Разучились люди общаться, потеряли живой интерес друг к другу. Всё машина за них сочиняет, даже добрые слова пожеланий. Вот вас и цепляет. Вы, Анна Марковна, у нас самая живая из живых, сохранились лучше любого артефакта.

– Ой, что-то ты меня сегодня нахваливаешь? Утешить хочешь? Но умная ты, на все вопросы ответы находишь. А как найдешь, так и полегчает. Спасибо! Я ведь что зашла? Поздравить тебя с Новым годом! И как раньше говорили, с Новым счастьем.

– Спасибо, Марковна! Пусть будет счастье, очень пригодится.

Хочешь, не хочешь, а я тебя спасу

– Запирай скорее,– прошептала Анна Марковна, протискиваясь мимо меня в прихожую.
– Что случилось? Гонится за вами кто-то?– удивилась я.
– Спасаться к тебе пришла,– все еще шептала соседка, хотя дверь уже была заперта.
– От кого?
– От спасательницы. Да не стой ты столбом в коридоре, пойдем на кухню. Она хоть и глуха, а что ей надо, лучше меня слышит.

– О ком вы толкуете, Анна Марковна?– изумлялась я странным речам и поведению старушки.

– Думаешь, сбрендила окончательно,– улынулась она.

– Есть немного.

– От Нинки сбежала, подружки моей. Дернул меня нечистый, с утра ей обмолвится, что колени ломит, она в сей же миг прилипла. Сначала рецепты битый час наговаривала, а после вознамерилась принести притирку собственноручно изготовленную, на спирту настоянную. И как я не отбивалась, что мне в собес, в магазин, а заодно и в аптеку надо, все равно сказала, придет. А уж она придет, с живой не слезет: все уши прожужжит, все припарки поставит. На что они мне? Поломило, да прошло.

Вот характер у человека! Одно слово – спасатель! Надо не надо, просят – не просят, всех спасает. И прямо дрожит и подпрыгивает, вроде лучше ей от этого. И стоит на шагок ей уступить, замучает своей опекой. Она же лучше всех знает, что кому надо, руководить начинает всем, вплоть до... туалета.

– Это как?– со смехом поинтересовалась я.

– Зря смеешься,– обиделась Марковна.– Не туалета, так душа. Дочка мне кабину душевую установила, дорожную, но удобную. Так она пришла и давай толковать, на что, мол, тебе кабина на старости лет, тебе ванна нужна. Давай её продадим, да ванну хорошую поставим. Заодно машину стиральную из кухни сюда перенесем, места хватит. И тут же в телефон тычет, с рабочим договаривается, чтобы кабину, значит, разобрать. Кое-как отвязалась от неё.

А то звонит и приказывает: «Так, давай собирайся! Едем на рынок. Ваня уже в гараж пошел». «У меня пенсия только на следующей неделе,– отвечаю.– Что я буду на рынке делать?» Но она уже решила, раз они едут, то и меня прихватывают, чтоб я с сумками не моталась. А что мне в сумки класть нечего, её не волнует. «Возьмешь то, на что денег хватит, а другим разом подкупишь. Все меньше самой тащить!» Все распланировала. И сколько не отговаривалась, заехала за мной и увезла по рынку с пустым кошельком болтаться. Там я грипп и прихватила. Две недели лежала. Но Нинке ни слова не сказала, а то бы еще лечить взялась.

Вот и сегодня я решила, что проще у тебя спрятаться, отсидеться. Ты как, не против? Не мешаю я?

– Я – не против. Даже чайник поставлю.

Мы пьем чай. Но Марковна все не может успокоиться, видно, сильно её спасательница достала.

– Ты скажи, разве можно за другого человека знать, что ему лучше? Да ещё нагло вмешиваться, навязывать ему свое?

– Невозможно, Анна Марковна, но приятно. Тут ты и главная, и умная, и добрая, и помощница, и благодетельница. Самое основное, что все по-твоему. Я в таких случаях говорю: «Слава богу, что вы не наш бог, а то бы нам мало не показалось».

Теперь уже старушка хохочет до слёз.

– Точно. И ведь про кого ни заговорит, сразу разложит, как ему надо поступить, что переустроить, всю жизнь перепишет набело. Хорошо, хоть только на словах, да не всегда её «неделок» (она их так называет) слышит.

Меня иной раз тоже тянет дочку поучить, что да почему она не так делает, и хорошо бы ей лет на двадцать раньше сделать иначе, чтоб теперь не мучиться. Прокручу все в голове седой, вспомню Нинку и смолчу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.